

И. Б. Гаврилов

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ А. С. ШИШКОВА

Статья посвящена религиозно-философским воззрениям и трудам на ниве отечественного просвещения выдающегося государственного деятеля, министра народного просвещения (1824–1828), самобытного мыслителя Александра Семеновича Шишкова (1754–1841). Преимущественно затрагиваются вопросы народного образования и нравственного воспитания, которым он уделял особое внимание во все периоды своей государственной деятельности, а также в своих программных сочинениях «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803 г.) и «Рассуждение о любви к Отечеству» (1811 г.). В ходе рассмотрения основных этапов интеллектуальной биографии мыслителя наиболее раскрывается деятельность Шишкова на посту министра просвещения. Главную задачу народного образования и воспитания он видел в том, чтобы вложить в душу ребенка «огонь народной гордости», «огонь любви к Отечеству». Консервативная идейная позиция Шишкова во главе министерства трактуется не как проявление невежества и корыстных сословных интересов, а как попытка формирования нового типа образованности — опирающегося на традиционные русские принципы православия, самодержавия и сословности и противостоящего западноевропейским революционным и атеистическим доктринам. В качестве важного выражения образовательной концепции мыслителя рассматривается введение им Цензурного устава 1826 г., который сформулировал ключевые вопросы образования и воспитания юношества, внутренней безопасности и управления общественным мнением.

Ключевые слова: философия образования, воспитание, педагогика, просвещение, консерватизм, образование, народность, русская религиозная философия, А. С. Шишков, «русское воспитание», Министерство народного просвещения, эпоха Александра I, «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», «Рассуждение о любви к Отечеству», «Беседа любителей русского слова», русская православная оппозиция, патриотизм, галломания, Российская академия, Библейское общество, критика мистицизма, «Чугунный устав», цензура.

*Человек без веры есть корабль без компаса.
Страсть кидает его, как буря;
и даже когда буря пройдет, он не может войти
в пристанище: останется погибать.*

*Мне поручено Министерство просвещения.
Но какое просвещение может быть там,
где колеблется вера?
(А. С. Шишков)*

Хотя современная научная литература не обходит вниманием тему проблем народного образования и просвещения в отечественной философской мысли XIX в. [Гаврилов, 2017b, 2017c, 2017d, 2018a, 2018b, 2018c, 2019; Гаврилов, Калитин, 2018; Лушников и др., 2019], однако существует ряд мыслителей, взгляды которых на эти вопросы пока мало изучены. И к ним в первую очередь следует отнести А. С. Шишкова, чье обширное наследие, как отмечают исследователи, «прочно забыто» и «научная биография не написана» [Парсамов, 2010, 5].

Игорь Борисович Гаврилов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igo7777@mail.ru).

На сегодняшний день наиболее значительными и основополагающими научными исследованиями в данном направлении являются новаторские работы А. Ю. Минакова, рассматривающие деятельность Шишкова в контексте становления нового направления отечественной общественной мысли первой четверти XIX в. — «православно-самодержавного консерватизма», предтечи славянофильства и «теории официальной народности»¹ [Минаков, 2003, 2011, 2014, 2018]. Ю. Е. Кондаков характеризует мыслителя как одного из лидеров «православной русской оппозиции» официальному курсу мистического экуменизма в 1817–1824 гг. [Кондаков, 1998]. М. Г. Альтшуллер делает акцент на создании Шишковым литературного общества «Беседа любителей русского слова»; пытается раскрыть его представление о том, что «язык есть и культура, и идеология» [Альтшуллер, 2005, 51]; отмечает влияние, оказанное им на творчество А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера, П. А. Катенина и последующих русских литераторов вплоть до Вяч. Иванова. Авторитетный современный историк университетского образования XIX в. в России Ф. А. Петров хотя и характеризует взгляды Шишкова как «архаичные» и ненаучные, однако находит в его управлении российских университетами следование здравому смыслу и вводит в научный оборот огромный фактический материал по эпохе его руководства Министерством народного просвещения [Петров, 2003, 5–71].

* * *

Александр Семенович Шишков (1754–1841) — выдающийся отечественный мыслитель, основоположник русского консерватизма, государственный деятель, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., первый историограф Военно-морского флота Российской империи (1799), адмирал (1824), популярный детский писатель, один из зачинателей детской литературы в России, основатель и бессменный руководитель литературно-политического общества «Беседа любителей русского слова» (1811–1816), государственный секретарь, автор манифестов и рескриптов императора Александра I (1812–1814), последний президент Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828). Шишков оставил огромное литературное, научное и мемуарное наследие — еще при жизни вышло в свет 17-томное собрание его сочинений. Но, к сожалению, в современные учебники мыслитель вошел лишь как «реакционер» и «мракобес».

Критическая оценка его деятельности стала утверждаться уже в либеральной историографии второй половины XIX в., в трудах А. Н. Пыпина и Н. Н. Булича, в которых Шишков представлен «крайним ретроградом, пожалуй, худшим и свирепейшим, чем был сам Голицын» [Булич, 1912; Пыпин, 2001].

Один из видных современников, находившийся долгие годы в лагере противников Шишкова, П. А. Вяземский аттестовал его так: «Шишков был <...> человек с постоянной волей, с мыслью, *idée fixe*, род литературного Лафайета, герой двух миров, но герой двух слогов старого и нового; кричал, писал всегда об одном; словом, имел личность свою и потому создал себе место в литературном и даже государственном нашем мире» (Вяземский, 1963, 260–270).

Другой современник, известный историк и дипломат Д. Н. Свербеев дает образ более теплый, сердечный: «Простодушно набожный и всецело преданный вере отцов, глубоко изучивший богослужебный славянский язык и в нем искусный, не менее преданный прямодушно и искренно самодержавному у нас престолу, ревностный почитатель всех наших народных преданий и не чуждый коренных наших предрассудков против всего иноверного и чужеземного, опасливый и, по временам, ярый борец

¹ В современных исследованиях убедительно раскрыта несостоятельность предложенного А. Н. Пыпиным термина «официальная народность». Понятие народности было выдвинуто графом С. С. Уваровым и воспринято большинством его современников как «призыв к развитию и утверждению самобытно-русской национальной культуры» [Гаврилов, 2016, 258].

с наплывом западных европейских идей, прямой, добродушный, честный и скорее кроткий человек» (Свербеев, 1871, 170).

Будущий адмирал и министр родился в древней первопрестольной столице Русского царства в родовитой, но небогатой дворянской семье. «Я рожден от русского отца, дворянина посредственного состояния, воспитан дома без чужеземных нянек», — свидетельствовал сам Шишков [Парсамов, 2010, 50]. Детство его прошло в патриархальной домашней обстановке, наполненной любовью к церковной книжности. В этой атмосфере в нем, по словам Стоюнина, «развивались религиозное чувство и мысль под влиянием чтения церковных книг, священной истории и Четьи-Минеи, а с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком <...>, развивалась любовь к Родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен, а может быть, и звучных од Ломоносова и других стихотворцев» [Стоюнин, 1880, 3–4].

Впоследствии Шишков напишет: «Вера, воспитание и язык — суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию» (Шишков, 1825а, 187).

В 1766 г. Александр Семенович поступил в Морской кадетский корпус, находившийся в те годы в Кронштадте, где под воздействием своего родственника, директора корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова, имевшего прозвище «отца всех русских моряков», и пристрастился к литературному творчеству. По выходе из корпуса в 1769 г. он был произведен в гардемарины. В течение последующих двух десятилетий совмещал преподавание в Морском корпусе с морскими плаваниями на военных кораблях в качестве офицера, а потом — командира боевых кораблей Военно-морского флота Ее Императорского Величества Екатерины II (35-пушечный фрегат «Ярославец», 38-пушечный фрегат «Святой Николай», 64-пушечный фрегат «Ретвизан»). Имел множество наград, в том числе был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и золотой осыпанной бриллиантами табакеркой с пятьюстами золотыми червонцами.

Трудясь долгое время по Морскому ведомству, сначала как преподаватель Морского корпуса, а с 1799 г. как председатель для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804), Шишков внес огромный вклад в образование и воспитание отечественной военно-морской элиты. Он стремился привить морским офицерам классический литературный вкус, любовь к отечественной словесности и христианские нравственные понятия. В частности, мыслитель наставлял: «Надлежит поступать осторожно и с выбором: ибо сколько хорошие писатели, каковы из старинных суть Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Попов, Казицкий, Полетика и им подобные, удобны научать молодых людей красоте русского слога, столько, напротив того, многие из новейших нынешних писателей могут приучить их к той галлицизме, которою, ко вреду прекрасного языка нашего, наполняют они свои писания» (Шишков, 1800, 292–293).

В одном из плаваний, в 1776–1779 гг., Шишков близко познакомился с жизнью современных Италии, Турции и Греции. Для понимания процесса формирования его консервативных взглядов представляет интерес показательная «встреча» в греческом городке Мандра с «безбожной» французской цивилизацией: «Мы видели несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтобы не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей. Удивительно, до какой злости и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они утонули в безверии; но зачем же вероисповедание других, подобных им христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной язык читается в сих гнусных надписях, как только французский?» (Шишков, 1834, 29).

Последовавшая в 1789 г. Французская революция только утвердила мыслителя в его антипросветительских воззрениях. Именно в философии французского Просвещения он увидел главный источник революционных потрясений и бед современной

Европы. В «Оде на покорение Польши», сочиненной «во время лютой свирепствовавшей во Франции революции», Александр Семенович писал:

Знать праведный во гневе Бог,
К преступникам являясь строг,
Свои отъял пресветлы очи
От недостойных оных чад:
Тогда, изшед из вечной ночи,
Меж ними воцарился ад (Шишков, 1831, 150).

На этом фоне православная и самодержавная Россия воспринималась им подчеркнуто идиллически:

Какая с ней может сравниться
Земля обилием отрад?
Российских мужественных чад
Кто подвигам не удивится?
Блаженная из всех страна,
Златая часть тебе дана.
В любви к царю и Богу тая,
Какой народ, толико лет
Спокойны годы провождая,
В толиком счастья цветет? (Шишков, 1831, 143).

В противоположность православной России, Франция видится государством, отступившим от Бога и стремящимся распространить свое неверие по всему свету:

Сия страна, что позабыла
И Бога, и закон, и смерть,
По всей вселенной распростерть
Свое учение возмнила (Шишков, 1831, 150).

Исходя из такого воззрения, всю свою последующую жизнь литератора, ученого и государственного деятеля Шишков посвятит борьбе по защите Отечества от надвигающейся на него «адской» силы «безбожного злочестия».

Спустя много лет, видя усилившееся воздействие на соотечественников просветительской философии, он напишет: «Прошедший век, названный просвещенным и философским, усыпая бдение правительств, породил и взлелеял дух безбожия и злонаравия, от которого потухает свет веры, умолкает закон, гибнет власть, и добродетель, труды, науки, искусства утопают в потоках крови» (Шишков, 1870, 2, 45).

В 1803 г. в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» Шишков скажет о революционной Франции, поверженной его любимым героем А. В. Суворовым: «Сия страна расточена, растерзана, без власти, без законов, без подчинения. <...> Тамо царствуют днесь неистовые, неблагословенные кровопийцы. <...> Народ сей упражняется в бесчисленных новоумышляемых суетах, совращающих Европу: <...> мечтает изобретать и непрестанно гласит новое просвещение, новые составы всего, новые права человечества: умы и сердца многих неразумных ядоупоил погибельным своим учением. <...> [Французы] поколебали учрежденное верою, отъяли сладчайшее упование, сладчайшее утешение человечества: <...> О, колико паче зубов змиевых язвительнейший, не сыновний, не отечественный дух!» (Шишков, 1824, 329–330).

Между тем мыслителя нельзя обвинить в невежестве и мракобесии: свободно владея иностранными языками, он весьма успешно занимался переводами с французского, немецкого, итальянского. В 1783–1785 гг. по поручению директора Академии

наук С. Г. Домашнева Шишков перевел антологию «Детская библиотека» известного немецкого педагога Иоганна-Генриха Кампе, в течение более полувека остававшуюся настольной книгой для обучения и воспитания российского дворянства. Кроме переводов с немецкого, русское издание содержало стихи и нравоучительные рассказы самого адмирала (Кампе, 1817), который характеризовал его как «отчасти перевод, отчасти подражание»: «Книжка моя простым своим слогом увеселяла детей иставляла их в благонаравии; они многие из нее стихи наизусть читали, и родители их принимали оную благосклонно, так что в течение шестнадцати или семнадцати лет была она троекратно издана» (Шишков, 1818: *Предуведомление*).

Шишков создает песенки, стихи, басни, рассказы, повести, пьесы, где на ярких и конкретных примерах дает ребенку уроки нравственности и красоты. Многие его стихи и басни заучивались наизусть и получили поистине всенародное признание. Таким образом, Александр Семенович одним из первых в России обратил внимание на необходимость создания для детей специальной литературы и стал выразителем в ней русского национального духа, характера, склада мыслей, чувств и т. д. Материал его книг «Детская библиотека» и «Собрание детских повестей» использовался отечественными писателями второй половины XIX в., в частности такими крупными педагогами как К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой.

За труды по истории российского Военно-морского флота («Трехязычный морской словарь на английском, французском и российском языках» (1795) и др.) в 1796 г. Шишкова приняли в Императорскую Российскую академию. Академия была основана Екатериной II по предложению княгини Е. Р. Дашковой еще в 1783 г., по образцу Парижской академии, для возведения русского языка в статус великого литературного языка Европы («поставить наш язык в независимое положение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову» (Дашкова, 1876, 239), а также для разработки словаря и грамматики русского литературного языка.

В уставе заведения («Краткое начертание Императорской Российской Академии») было прописано: «Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение» [Сухомлинов, 1874, 360]. Первый председатель Академии Е. Р. Дашкова отмечала: «Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах Отечества нашего, обильные летописи, драгоценные памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов хвалиться могут, представляют упражнением нашим обширное поле...» [Лозинская, 1978, 83].

Эти заложенные при основании Академии принципы оказали решающее воздействие на научное творчество и мировоззрение А. С. Шишкова, жизнь которого оказалась неразрывно связанной с ее судьбой. Самое прямое и непосредственное влияние на него имела концепция «Словаря академии Российской» (1789–1794), основанного на учении М. В. Ломоносова о трех стилях и содержащего 43357 слов. В работе над «Словарем» участвовало 47 членов Академии, в том числе Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, А. И. Мусин-Пушкин, Д. И. Фонвизин.

* * *

В недолгое царствование императора Павла I (1796–1801) Шишков успел испытать и возвышение, и опалу. В своих «Записках», написанных с позиций консерватора и «славянофила», он критически оценивает это правление, видя в нем лишь подражание политике свергнутого отца Павла: «Все пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, косы, пукли, ордонанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы (имена доселе неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, будок и прочего. Сие уничижительное

подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III» (Шишков, 2010, 361). Шишков как человек Екатерининской эпохи противопоставляет «Золотой век» царствования «Северной Минервы» правлению ее «бедного» сына и проводит прямую параллель между Павлом и Петром III: «Несчастный монарх сей, отвратясь от мудрого и благополучного царствования великой матери своей, пошел по следам отца своего и окончил дни свои таковою же, как он, смертью» (Шишков, 2010, 419).

Неудивительно, что, как и многие современники, мыслитель радостно приветствовал приход к власти императора Александра I, который при вступлении на престол обещал «идти по стопам великой своей бабки»:

С ним правосудие воссядет на престоле;
Любя Отечество, храня его покой,
С Екатериной великою душой,
Он будет новый Петр, и на суде, и в поле (Шишков, 1831, 177).

Однако ожидания не оправдались, и довольно скоро вице-адмирал увидел в формах молодого императора вместо обещанного возвращения к «мудрым государственным заветам» Екатерины продолжение павловского царствования с его тягой к неоднозначным переменам. «Новый порядок и новое преобразование вещей едва ли поведут нас по лучшему пути, нежели тот, который был проложен столь мудрыми монархами» (Шишков, 2010, 426), — сетовал Александр Семенович.

Причины измены Александра духу екатерининских традиций Шишков усматривал во влиянии воспитателя царя, Ф. С. Лагарпа, и членов «Негласного комитета» — молодом либеральном окружении, которое он называл «якобинской шайкой». Особенное неприятие вызывала у него фигура морского министра П. В. Чичагова, с которым Шишков вступает в открытый конфликт. «Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имели ни опытности, ни знаний, стали все прежние в России установления, законы и обряды порицать, называть устарелыми, невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твердить пред младым царем», внушали ему понятия, «возникшие из хаоса чудовищной французской революции» (Шишков, 2010, 323–324). В самом Александре мыслитель видел скорее мечтателя-утописта. В свою очередь, и император был чужд консервативных устремлений Шишкова, не принимавшего либеральные реформы нового царствования.

Закономерно, что довольно скоро вице-адмирал, по его словам, «отстал от двора; уклонился от всех его козней; <...> и предался любимым <...> упражнениям в словесности и в науках» (Шишков, 1870, 1, 93). Он полностью погружается в научные и литературные труды в Российской академии, связанные с изучением русского языка и истории.

* * *

Как активный член Академии, заботящийся о чистоте русского языка, А. С. Шишков ярко проявил себя в научной и литературной полемике 1800-х гг. Программным сочинением этого периода становится «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), определившее место и значение автора в истории русской словесности. В нем Шишков выступает против «галломании» — «неисцелимой и лишающей всякого рассудка страсти к французскому языку» (Шишков, 1824, 1).

По поводу этой проблемы французский философ Ж. де Местр, проживший в России 14 лет, с 1803 по 1817 гг., писал: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь» (Местр, 1994, 178).

Шишков ясно сознавал, что проникновение вредной философии осуществляется в первую очередь посредством литературы: «Надлежит с великою осторожностью

вдаваться в чтение французских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностию море, не преткнуть о камень» (Шишков, 1824, 9–10), ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суемудрых, вредных и заразительных умствований, как во французских книгах» (Шишков, 1824, 369). Поэтому важнейшим средством борьбы с галломанией он считал защиту и утверждение родного языка: «Всякое иностранное слово есть помешательство процветать собственному, и потому чем больше число их, тем больше от них вреда языку» (Шишков, 1825b, 13); «Кто бы подумал что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего (т. е. церковнославянский язык. — И. Г.), начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка» (Шишков, 1824, 2–3).

В стремлении противопоставить церковнославянский язык тогдашнему нашествию иностранных слов в русский язык Александр Семенович опирался на труд М. В. Ломоносова «О пользе книг церковных» (1758 г.), в котором впервые была выдвинута эта идея. Развивая мысль великого русского ученого, Шишков писал: «Под именем славянских, славяно-российских и русских книг можно разуметь различных времен слогии, или язык в смысле слога, как то слогии Библии, Патерика или Четы-Миней, слова о полку Игоревом, старинных грамот, Несторовой летописи, Ломоносова и проч.»; «Я не то утверждаю, что должно писать точно славянским слогом, но говорю, что славянский язык есть корень и основание российского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. Итак, в нем упражняться и из него почерпать должно искусство красноречия, а не из Боннетов, Вольтеров, Юнгов, Томсонов и других иностранных сочинителей» (Шишков, 1824, 81).

Шишков полагал, что через причастность к церковнославянскому русский язык является наследником эллинского языка и всей классической греко-византийской образованности: «Древний славянский язык, отец многих наречий, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники» (Шишков, 1824, 1–2). Мыслитель видел в церковнославянском языке величайшую святыню и сокровищницу русского национального духа, «мистически связанную с Божественной мудростью» [Проскурин, 1996, 102].

К сожалению, в отечественной филологической науке до сих пор господствуют критические оценки языковой теории Шишкова, не только отрицающие ее современную актуальность и научную значимость, но утверждающие, что даже и для своего времени ученый являлся утопистом, ибо «интересовавшее его прошлое было на самом деле плодом фантазии»: «Шишков был не традиционалистом, а утопистом. Реальная стихия церковного языка ему отнюдь не была органична, в церковнославянском он допускал ошибки. Даже подлинные архаизмы в его сочинениях часто играли роль неологизмов, поскольку их надо было искусственно вводить в современный реформатору язык» [Лотман, 2002, 457].

Но более верной представляется оценка историка литературы второй половины XIX в. А. Д. Галахова, полагавшего, что Шишков «добивался русского направления, окрещенного неточным именем славянофильства. Шишков — славянофил, или русофил, потому что стоял за сохранение русской национальности в нравах, обычаях и языке» [Минаков, 2011, 373–374].

Как на ближайшего предшественника Шишкова М. Г. Альтшуллер указывает на Д. И. Фонвизина, который в своей комедии «Бригадир» (1769 г.) остроумно высмеивает галломанию, выводя на сцену молодого русского невежду Ивана, презирающего все русское: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской» [Альтшуллер, 2005, 41].

Наименование Александра Семеновича «предтечей славянофильства» вполне оправданно. Спустя четыре десятилетия К. С. Аксаков и его единомышленники также констатировали разрыв между народом и обществом [Гаврилов, 2017a]. Но если

Аксаков возлагал всю вину за этот разрыв на Петра I, то Шишков считал, что Петр хотел лишь переселить в Россию науки, «но не желал из россиян делать голландцев, немцев или французов; не желал русских сделать нерусскими» (Шишков, 1824, 462).

Многочисленные противники и позднейшие критики высмеивали концепцию языка ученого как пример примитивного изоляционизма, который якобы полностью отрицает любые языковые влияния. Однако на самом деле его позиция, оформившаяся в ходе длительной полемики, не была такой односторонней. Шишков допускал заимствования, но лишь по вынужденной необходимости: «Кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностью употреблены быть могут» (Шишков, 1824, 404).

Журналист и писатель Н. И. Греч следующим образом характеризует полемику 1803 г.: «Вдруг вышла книга Шишкова (о старом и новом слоге русского языка) и разделила армию русской словесности на два враждебных стана: один — под знаменем Карамзина, другой — под флагом Шишкова. Приверженцы первого громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмехались над славянщицкою; последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы и только в длинных периодах Ломоносова, в тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову» (Греч, 1990, 156).

Однако акцент на противостоянии шишковистов и карамзинистов в литературе представляется преувеличенным: на самом деле оба литератора придерживались консервативных взглядов. Знакомство Шишкова и Карамзина произошло на приеме у великой княгини Екатерины Павловны, во время которого последний сразу же признался: «Я не враг ваш, а ученик: потому что многое высказанное вами было мне полезно, и если не все, то иное принято мною и удержало меня от употребления таких выражений, которые без ваших замечаний были бы употреблены». С этого момента «они были если не друзьями, то, по крайней мере, добрыми искренними знакомыми» [Минаков, 2011, 215]. По свидетельству А. С. Стурдзы, Шишков впоследствии «чистосердечно и публично отрекся от прежних своих невыгодных мнений о писателе Карамзине. <...> Маститый старец полюбил в нем человека, преклонил голову перед изящной чистотой его слога, одним словом, влюбился в его творения и в него самого» (Стурдза, 1846, 146–147).

Труд Шишкова не только породил бурную полемику, но и положил начало новому направлению в отечественной мысли — православно-самодержавному консерватизму (по определению А. Ю. Минакова). Его представители рассматривали широкий спектр общественно-значимых проблем: вопросы о национальном образовании, характере подлинно самодержавной власти, отношениях Церкви и государства, цензуре, самобытной национальной культуре, опирающейся прежде всего на определенные языковые традиции, сословный вопрос, университетскую политику, внешнюю политику и т. д. К представителям этого течения, по мнению А. Ю. Минакова, после 1811 г. примыкает и Н. М. Карамзин, создав «наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX в.» — «Записку о древней и новой России» [Минаков, 2011].

А. С. Шишков же, как справедливо утверждает историк, сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии.

В первое десятилетие XIX в. рассматриваемое направление консерватизма имело оппозиционный характер — его представители вели активную полемику с членами «Негласного комитета», М. М. Сперанским и другими либеральными приближенными императора Александра I [Минаков, 2014, 70].

В феврале 1807 г. А. С. Шишков выступает инициатором литературных вечеров, которые с 1810 г. принимают публичный характер, собирая до 300–500 слушателей, цвет петербургского светского и церковного обществ. Вечера проводились в доме крупного екатерининского вельможи, генерал-прокурора и министра юстиции в отставке (с 1803 г.), известного поэта Г. Р. Державина, бывшего в 1807–1812 гг. одним из лидеров консервативной партии и находившегося в оппозиции к либеральному курсу молодого императора Александра I. Знаменитый «певец Фелицы» по своим литературным взглядам являлся классицистом и ближайшим единомышленником Шишкова.

В собраниях принимали участие С. А. Ширинский-Шихматов, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. А. Шаховской, А. С. Хвостов, Д. И. Хвостов. Ядро активных участников заседаний составляли члены Российской академии. Разработанный Шишковым устав общества, названного им «Беседой любителей русского слова», в феврале 1811 г. получил высочайшее утверждение. В числе действующих и почетных членов значились выдающиеся современники: И. И. Дмитриев, Н. С. Мордвинов, А. К. Разумовский, А. Н. Оленин, Ф. В. Ростопчин, С. С. Уваров, митр. Амвросий (Подобедов), еп. Евгений (Болховитинов) и др. Гостем Державинского особняка был и знаменитый французский консерватор Ж. де Местр, «пламенный реакционер», критик Французской революции, собеседник многих русских мыслителей и государственных деятелей, в центре внимания которого также находились вопросы народного просвещения и образования. Покровительницей общества считалась вдовствующая императрица Мария Федоровна, двор которой находился в Павловске.

Шишков видел в «Бесед» рупор для выражения оппозиционных консервативных идей, открытую площадку, которой Академия, будучи закрытым учреждением, стать не могла: «Беседа не присвоила себе никогда прав Академии, и большей частью состояла из ее членов. <...> Вся цель ее была только та, чтобы читать перед публикою (чего Академия делать не могла) избранные произведения писателей, доставляя им через то ободрение и приятность публике, в которой старалась она распространять вкус и охоту к отечественной словесности» (Шишков, 1870, 2, 158–159).

«Беседа» стремилась укрепить в русском обществе патриотические чувства при помощи русского языка и словесности, торжество которых должно было предшествовать торжеству веры и Отечества. Как вспоминал другой видный консерватор Александровской эпохи А. С. Стурдза, «Беседа» «была выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному — любви, пробужденной роковыми событиями того времени» (Стурдза, 1994, 44).

Бесспорно, ярчайшим общественным событием стало выступление в 1811 г. Шишкова с программным докладом «Рассуждение о любви к Отечеству». В нем ученый разоблачал космополитизм образованного общества, в преддверии военного столкновения представлявший для России серьезную угрозу: «Человек, почитающий себя гражданином света, т. е. не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных. <...> Все веки, все народы, земля и небеса возопяли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать» (Шишков, 1825а, 148–149).

Накануне войны с Наполеоном Шишков озвучил главные принципы русского патриотизма: православная вера, русское воспитание и русский язык, тем самым почти на два десятилетия предвосхитив знаменитую формулу С. С. Уварова.

В «Рассуждении» мыслитель заявляет о себе как о главном противнике галломании и поборнике «русского воспитания»: «Воспитание должно быть отечественное,

а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках; но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к Отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери. <...> У него своя мать, свое гнездо, свое Отечество. Любовь к оному почерпается не из хладных рассуждений, не из принужденной благовидности, нет! Она должна пламенною рекою литься из души моего учителя в мою, пылать в его лице, сверкать из его очей» (Шишков, 1825а, 180–181).

Шишков отводит национальному образованию и воспитанию государственное значение, отмечая прямую зависимость от него процветания и самого будущего России: «Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благосложение, или клятву потомков» (Шишков, 1825а, 183).

Либеральные и атеистические сочинения европейских философов он сравнивает с адом, убивающая живую народную душу: «Сия нравственная чума, заражающая умы, истребляющая жизненные соки общества, — распускание ядовитых писателей, злочестивых книг — не только не пугает нас, но находит почти равнодушными, и мы не боимся, что общественное тело, напитанное ядами, по истощении в судорогах оставшейся силы своей, истлеет и, сгнившее, падет» (Шишков, 2011, 605).

Мощный охранительный пафос, яркий образный язык Шишкова проникали в самые «затвердевшие» сердца отцов семейств, хранивших в старинных семейных библиотеках бронзовый бюст Вольтера и полные собрания сочинений знаменитого французского вольнодумца: «Отцы и матери, трепещите своей беспечности, трепещите сделаться сообщниками злочестия! Вы, конечно, вырвали бы из детских рук ядовитую чашу — и оставляете пред их очами книги, могущие развратить разум и сердце, тщательно сохраняете в домах нечестивые сочинения, наследственную отраву, переходящую из рода в род» (Шишков, 2011, 605).

Как справедливо отмечает А. Ю. Минаков, именно в ходе борьбы с галломанией оформляется первоначальная программа русских консерваторов, в создании которой, кроме А. С. Шишкова, участвовали и другие литераторы — Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка, С. А. Шишинский-Шихматов, а также представители православного клира [Минаков, 2011].

* * *

Угроза неизбежной войны с наполеоновской Францией, стремившейся к политическому господству на европейском континенте, вынудила российскую верховную власть на время отступить от республиканских идеалов и обратиться за поддержкой к консерватору-оппозиционеру. «Я читал рассуждение ваше о любви к Отечеству, — сказал Александр I А. С. Шишкову. — Имея таковые чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами, нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтобы вы написали о том манифест» (Шишков, 1870, 1, 121).

Вице-адмирал Шишков назначается на важный пост государственного секретаря — вместо отправленного в ссылку знаменитого либерала-реформатора М. М. Сперанского, обвиненного в преклонении перед всем французским и даже в заговоре в пользу Наполеона. «Перед началом отечественной войны понадобилось другое перо, более народное, более русское» (Свербеев, 1871, 170). Этим шагом Александр I как бы признавал ошибкой прежний курс внешней и внутренней политики, ориентированный на идеалы европейского либерализма, и призывал себе в помощь вчерашних оппозиционеров из консервативного стана.

В течение двух с половиной лет почти 60-летний Александр Семенович практически постоянно находился «при особе государя», сопутствуя ему в многочисленных

разъездах, неизбежных для длительной военной кампании; трудился «над изложением <...> монарших повелений» (Шишков, 1870, 1, 120), написав в общей сложности более 80 манифестов, приказов и рескриптов.

Первым указом царя, составленным Шишковым, стал «Манифест о рекрутском наборе». С апреля 1812 и до конца 1814 г. он был патриотическим голосом России, поднимавшим и укреплявшим дух русского народа, которому жадно внимали все сословия: «Да встретит враг в каждом дворянине — Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; Народ Русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы укрепившихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют» (Шишков, 1870, 1, 426–427).

Отечественная война еще более утвердила Шишкова в сознании истинности своих давних воззрений на безбожную французскую цивилизацию и воспринималась им в религиозном свете: «Я всегда имел такое мнение, что всеобщая война сия была не о землях или границах; главное дело состояло в том, чтобы привести все царства в их прежнее состояние, низринуть беззаконие, воцарить истину и благонравие, низложить пример соблазна» (Шишков, 1870, 1, 266).

Вот как передает впечатление от чтения шишковских манифестов тогдашний московский генерал-губернатор граф Ф. В. Ростопчин: «Сначала — внимание, потом — гнев; но когда Шишков произнес слова, в которых говорилось, что неприятель с лестью на устах несет в руках оковы, тогда негодование выразилось в сильнейшей степени: ударяли себя в голову, рвали на себе волосы, ломали руки, видны были слезы гнева, струившиеся по этим лицам, напоминавшим древних. Я видел одного, который скрежетал зубами» (Ростопчин, 1992, 270). Как свидетельствует С. Т. Аксаков, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей» (Аксаков, 1966, 271). Даже всегда скептически настроенный к Александру Семеновичу интеллектуал князь П. А. Вяземский под конец жизни в своих записках признавал: «Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности, но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были к стати» [Альтшуллер, 2005, 64].

По авторитетному мнению официального историка эпохи Александра I Н. К. Шильдера, благодаря написанному секретарем Шишковым от имени императора воззваниям «борьба с Наполеоном получила значение народной и священной войны» [Шильдер, 1905, 88].

В посланиях войскам мыслитель раскрывает христианский характер и дух воинского служения, постоянно подчеркивая, что русская армия — это прежде всего православное воинство Христово, которое не должно уподобляться армии безбожников: «Вы — русские! Вы — христиане! <...> Я не угрожаю вам наказаниями; ибо знаю, что никто из вас не подвергнется оным. Вы видели в земле нашей грабителей, рашивавших дома невинных поселян. Вы праведно кипели на них гневом и наказали злодеев! Кто ж захочет им уподобиться? Если же кто, паче чаяния, таковой сыщется, да не будет он русский! Да исторгнется из среды вас!» (Шишков, 1870, 1, 173).

А. С. Шишков внес огромный вклад в победу над Наполеоном, однако к 1814 году его национальная и патриотическая риторика вновь перестала быть востребованной в связи с влиянием на императора Александра I идей универсального христианства и космополитизма [Минаков, 2011, 189].

30 августа 1814 г. вице-адмирал был уволен от должности государственного секретаря и «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну» назначен членом Государственного совета, в котором оставался до своей

смерти. На заседаниях Совета Шишков отличался самостоятельностью суждений, часто оказываясь со своим другом, первым российским морским министром Н. С. Мордвиновым² в меньшинстве среди более либерально настроенных членов.

Самое активное участие Александр Семенович принимал в обсуждении вопросов цензуры и народного образования, подавая записки, которые вплоть до 1824 г. не получали официальной поддержки в силу господства в то время категорически не подерживаемых им идей мистического христианства.

* * *

Ключевое положение в религиозной и образовательной политике Российской империи во второй половине александровского царствования занимал князь А. Н. Голицын. С 1817 г. он возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения, объединившее два ведомства — духовных дел и народного просвещения, но, по меткому слову Н. М. Карамзина, представлявшее собой «министерство затмения».

Одним из наиболее ярких воплощений нового «экуменического» курса стало открытие в России Библейского общества (РБО, 1813–1826). Первое собрание РБО состоялось в Санкт-Петербурге в январе 1813 г., в доме князя Голицына на Фонтанке, под его председательством и при участии представителей разных именующих себя христианскими вероисповеданий.

Шишков в мистицизме Голицына видел проявление «духа времени», который, по его мнению, повел начало от знаменитого просветителя и масона Екатерининской эпохи Н. И. Новикова, связанного с французскими революционными учениями.

Как отмечает прот. Г. Флоровский, «по Библейскому делу у Шишкова было свое и очень твердое мнение. Для него сама мысль о переводе Библии представлялась злейшей ересью, — но это была, прежде всего, „литературная ересь“ (по остроумному замечанию Свербеева). Ибо Шишков отрицал само существование русского языка, — „как будто бы некий особый, — говорил он в недоумении. — У нас славянский и русский язык один и тот же, он различается только на высокий и простой“, — это была основная религиозно-филологическая теза Шишкова. <...> В последнем счете Шишков различает два языка: „язык веры“ и „язык страстей“, или „язык Церкви“ и „язык театра“. Библейский перевод и представлялся Шишкову „перекладкою“ Слова Божия с наречия высокого и важного на этот низкий стиль, на этот язык театра и страстей. Это было умышленным умалением священного достоинства Библии, думал он» [Флоровский, 1991, 161–162].

Однако представляется, что первостепенными для мыслителя были не литературные мотивы — по его мнению, речь шла о глобальном подрыве вероисповедных основ. Особое неприятие православного консерватора вызывала концепция христианского экуменизма с его идеей «внутренней Церкви», насаждаемой министерством Голицына: «Все эти лжеумствования о так называемой внутренней Церкви (т. е. никакой), о народной свободе и равенстве состояний, о конституциях, об истреблении царей <...> — все эти адские мысли суть плоды самолюбия и гордости, порождаемые безверием и отступлением от Бога» (Шишков, 186?, 122). Шишков так понимал и характеризовал цель РБО: «Составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию: мнение мечтательное, безрассудное» (Шишков, 1870, 2, 228).

«Русская православная оппозиция», возглавляемая вице-адмиралом, объединяла литераторов-«архаистов», крупных государственных чиновников (граф А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий), а также ряд священнослужителей-консерваторов (архим. Иннокентий (Смирнов), архим. Фотий (Спасский), митр. Серафим (Глаголевский) и др.). «Оппозиция» активно выступала с критикой конфессиональной политики правительства и особенно голицынского «двойного министерства», неоднократно обращаясь в посланиях, книгах и при личных аудиенциях непосредственно к императору Александру I.

² О нем А. С. Пушкин сказал: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию».

В своих письмах к государю А. С. Шишков стремился разоблачить коварные замыслы вольнодумцев и защитить православие: «Главный обман Библейских обществ состоит в проповедовании какой-то иной веры, не той, которая в России со времен Владимира исповедуется, дабы ослепить народ и, воспламеня в нем под именами сей мечтательной веры и вольности безверие и своеволие, ополчить его против Бога, царей и всякого порядка» (Шишков, 1870, 2, 265).

В своей автобиографии архим. Фотий (Спасский) дал краткую характеристику лиц, участвовавших вместе с ним «в борьбе за веру». Шишков, по его словам, — знатный вельможа и писатель, преданный царю и Церкви: «Он один стоил больше, нежели все ученые Церкви пользы могли принести. Несмотря на старость лет, против лжеучений писал и говорил». Помощника Александра Семеновича князя П. А. Ширина-Шихматова отец Фотий характеризует как патриота и ревнителя православия: «Он был не весьма велик среди людей, но велик перед очами Божиими. Был правой рукой А. С. Шишкова и во всем ему помогал» [Кондаков, 1998, 153].

Усилия Шишкова и православной оппозиции увенчались успехом: 15 марта 1824 г. государь упразднил «двуединое» министерство и отправил в отставку князя Голицына. «Шишков добивался от императора Александра запрещения русских переводов» [Флоровский, 1991, 165]. А в 1826 г. уже новый монарх, Николай I, прекращает деятельность Библейского общества в России.

* * *

15 мая 1824 г. Александр I назначил 70-летнего старца главой реформированного Министерства народного просвещения. Искренний монархист и верноподданный государя, Шишков беспрекословно принимает его решение, как и 12 лет тому назад: «Угодно было монаршей воле Твоей, без всякого у меня вопроса и без всякого искания моего, наименовать меня министром народного просвещения в самое многотруднейшее время. Я повиновался священному гласу Твоему в 1812 г., когда враг Отечества шел с оружием на Россию. С тем же пламенным усердием повинуюсь и ныне, когда тайная вражда умышляет против Церкви и Престола» (Шишков, 1870, 2, 164). Как вспоминал С. Т. Аксаков, «никогда Шишков для себя ничего не искал, ни одному царю лично он не льстил; он искренне верил, что цари — от Бога, и был предан всею душою царскому сану, благоговел перед ним. Шишков без всякого унижения мог поклониться в ноги природному своему царю; но, стоя на коленях, он говорил: „Не делай этого, государь, это нехорошо“» (Аксаков, 1966).

В новой должности мыслитель не только стремился послужить России, но и желал воплотить те принципы православного просвещения, которые неоднократно выражал в своих публичных выступлениях и в частной переписке: «Мне поручено Министерство просвещения. Но какое просвещение может быть там, где колеблется вера? <...> Книжки, сеющие безверие и разврат, продолжают переводиться и публично продаваться. Духовенство знает о них, и не только молчит и не отвращает сего зла, — но многие нововоспитанные священнослужители (кроме некоторых истинно усердных и благочестивых), под личиною веры, споспешествуют ему» (Шишков, 1870, 2, 184).

Возглавляя министерство, А. С. Шишков задал народному просвещению тот вектор, который получил дальнейшее развитие при С. С. Уварове: «Народное образование должно быть национальным» — таков был провозглашенный им идеал. Новые программы предполагали приоритетное изучение русского языка и русской истории [Минаков, 2018]. Причем, как отмечает А. Ю. Минаков, такие политические антагонисты, как Шишков, Магницкий и другие консерваторы, с одной стороны, и С. С. Уваров — с другой, были устремлены к общей цели, активно преодолевая мистико-космополитический вектор, заданный отечественной системой образования после 1812 г. Александром I и Голицыным [Минаков, 2018]. Поведа с первых своих шагов решительную борьбу с мистическим направлением голицынского

министерства, Шишков смог расчистить путь «конструктивной программе Уварова», основанной на использовании современных научных знаний и концепций образования [Петров, 2003, 8]. Так, в своем первом докладе императору от 15 мая 1824 г. Александр Семенович выдвинул против министерства Голицына обвинение в том, что «поголовное удаление преподавателей, в которых так нуждались наши учебные заведения, и назначение на кафедры людей малосведующих, но прикинувшихся благонамеренными, принизило уровень научного образования. Раболепство и лицемерие проникли в ученое сословие» [Петров, 2003, 10].

Образовательная программа Шишкова базировалась на идее приоритета религиозного образования, православия и самодержавия, а также следовании принципам сословности и народности. В частности, выделяют две его программные декларации — речь 11 сентября 1824 г. в Главном правлении училищ и обращение к Главному правлению училищ 11 декабря 1824 г.

Председательствуя на первом заседании Главного правления училищ, ученый сформулировал основную задачу министерства в том, чтобы «оберегать юношество от заразы лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и чрез то делающим его в старости юношею» [Рождественский, 1902, 166].

В первой речи Шишков проводит принцип сословности в образовании: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике — было бы приутоплять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином. Но правила и наставления в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным, и кротким, и довольным, и благополучным» [Минаков, 2011, 441].

По утверждению историка С. В. Рождественского, министерство А. С. Шишкова отличалось «спокойным и планомерным обсуждением основ университетского строя, попытками так или иначе сочетать его особенности с началами общего политического режима данной эпохи» [Петров, 2003, 10].

Основные принципы государственной политики в сфере образования мыслитель изложил в обращении к Главному правлению училищ от 11 декабря 1824 г.: «I. Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на рознь вер, ниже языков, должно быть русское. II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны: первый — в твердом и незыблемом православии, а второй и третий — во всей точности положительного исповедания своей веры. III. Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы. IV. Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним умствований. V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, на тех познаниях, кои самим учреждением разных учебных заведений постановлены, и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащиеся предназначаются. VI. Язык славянский, т. е. высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы. VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество пред латинским. VIII. <...> Одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, которой христианину вне Церкви найти не можно» [Минаков, 2011, 442].

В своей речи Шишков особо подчеркнул зависимость государства от системы образования: «Когда государство или народ желает благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании юных чад своих». Сущность воспитания мыслитель видит «в страхе Господнем, в напоении сердец детских любовью к вере,

откуда проистекает любовь к Государю, сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовь к Отечеству, сему телу великому, но не крепкому без соединения с главой своей; и, наконец, любовь к ближнему, под которым разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий» (Шишков, 1825а, 179–180).

Минаков верно усматривает в позиции ученого не инфернальный обскурантизм, приписываемый ему Пыпиным, не проявление невежества, своекорыстия и аморализма, а попытку создания особого типа образованности и системы ценностей, которая лежала бы в основе учебных программ и могла бы противостоять рационализму, материализму, атеизму, революционаризму и т. п. негативным явлениям. Однако, как отмечает исследователь, используемый русскими консерваторами для реализации своей программы метод административных запретов компрометировал их в глазах образованных людей того времени, по большей части принадлежавших к либеральному лагерю [Минаков, 2011, 443].

Хотя Шишкова постоянно упрекали в ретроградстве и реакционности, он, в отличие от своего предшественника князя Голицына, за четыре года управления министерством ни разу не позволил поставить вопрос о закрытии какого-либо российского университета [Петров, 2003, 12]. С другой стороны, он не стремился ломать здравые предложения Голицына, поэтому дал ход циркуляру от 17 апреля 1824 г., в соответствии с которым все преподаватели обязывались предоставить в министерство полные конспекты лекций. По дополнительному требованию министра в представленных конспектах требовалось указать использованную литературу, особенно иностранную. Уже через два года, в 1826 г., университеты смогли опубликовать такие конспекты. Также Шишков выступил с инициативой выпуска учебников по различным дисциплинам [Петров, 2003, 12–13].

Вообще в своей министерской политике ученый отдавал явное предпочтение университетам перед лицеями и благородными пансионами, которые при двух последних министерствах графа А. К. Разумовского (1810–1816) и князя А. Н. Голицына (1817–1824) получили большие привилегии. Он полагал, что эти частные дворянские заведения лишь отвлекают юношество от университетского образования. Кроме того, Шишков признавал вредным чисто домашнее обучение с гувернерами и в этом вопросе также предвосхитил политику графа С. С. Уварова [Петров, 2003, 66].

* * *

А. С. Шишков в течение многих лет серьезно изучал вопросы цензуры и неоднократно подавал верховной власти официальные записки с конкретными предложениями, которые, как правило, ложились под сукно. Еще в 1816 г. он направил в Государственный совет записку о цензуре, где отмечал, что «худая цензура ведет к тому, что на одну хорошую книгу выпускается двадцать вредных. Они пытаются обмануть читателя, мешая ложь с правдой. Они используют язык, полный иносказательных и темных слов, делающих непонятным содержание, и исподволь развращают читателя» (Шишков, 1870, 2, 44).

После 1824 г. новый министерский статус Шишкова, а еще больше — сложная политическая ситуация в Российской империи и в Европе — уже не позволяли императору игнорировать его инициативы. 25 мая 1824 г. Александр Семенович подает Александру I записку, в которой предлагает разработать новый Цензурный устав взамен устаревшего либерального Устава 1804 г. По замыслу мыслителя, цензура, которая в России до его времени «можно сказать не существовала» (Шишков, 1870, 2, 164), должна служить «к обузданию своевольных и неосновательных мыслей, предписывая о наблюдении, чтоб издаваемые сочинения были в правилах нравственности, в правилах истинного просвещения, никому не обидны, всякому для чтения или полезны, или по крайней мере забавны, но без всякого вреда нравам, наукам и языку» (Шишков, 1870, 2, 167).

Главным деянием Шишкова на посту министра просвещения стало создание Цензурного устава 1826 г., прозванного либеральными публицистами «чугунным». В сравнении с предыдущим этот Устав был более подробным и основательным — 19 глав, 230 параграфов, 60 страниц, тогда как прошлый имел 47 параграфов и занимал всего 12 страниц. На Устав возлагались три главнейшие попечения: о науках и воспитании юношества, о нравах и внутренней безопасности и о направлении общественного мнения согласно с политическими обстоятельствами и видами правительства. В качестве основного органа цензуры был утвержден Верховный цензурный комитет, состоявший из трех членов-министров — народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел. Среди наиболее примечательных статей Устава выделим параграфы об умозрительных науках (философии), где запрещалась «всякая вредная теория, таковая, как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытными гражданами обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога» (параграф 190) [Альшшуллер, 2005, 81]. В результате в Российской империи объявлялись вне закона сочинения таких знаменитых просветителей-вольнодумцев, как Гельвеций, Гольбах, Дидро, Ламетри и Руссо.

«Чугунный устав» вошел в историю дореволюционной отечественной цензуры как наиболее строгий и консервативный, или «реакционный» с точки зрения либеральной историографии. В 1828 г. он был смягчен императором Николаем I согласно предложениям С. С. Уварова.

* * *

По выходе в отставку Шишков полностью посвятил себя Российской академии, которой он в качестве президента руководил с 1813 г. до самой смерти.

Еще в 1818 г. Александр Семенович написал устав Академии, где сформировал ее основную цель — быть «охранительницей» языка «от могущих повреждать и потрясать оный худых навыков, несправедливых толков и вводимых в него злоупотреблений» [Парсамов, 2010, 64]. При Шишкове в десять раз было увеличено финансирование заведения, выходил периодический журнал «Известия Российской Академии». В члены Академии были приняты лучшие русские писатели — Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и др.; установились научные контакты с крупнейшими европейскими филологами, организовались научные экспедиции в Болгарию, Валахию, Сербию, Черногорию.

После кончины мыслителя по приказу Николая I Российская академия была присоединена к Академии наук в виде ее второго отделения, получившего название «Отделение русского языка и литературы».

На склоне дней постепенно полностью ослепший старец занимался составлением «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова», которое было выпущено в 17 томах в Российской академии с 1818 по 1839 гг.

Свидетели последних лет жизни Шишкова, с одной стороны, отмечали физическую немощь, болезненность, практически полную потерю зрения у 80-летнего ученого, но, с другой стороны, поражались силе и бодрости его духа, верности идеалам православия и самодержавия, беспримерной заботе о своем главном детище — Российской академии. Так, навестивший старца в его доме на Фурштатской С. Т. Аксаков вспоминал: «В 1836 г. я опять ездил в Петербург. Здоровье Александра Семеныча Шишкова и особенно зрение очень ослабели, но я нашел его бодрым духовно и даже иногда веселым. Он почти ощупью отыскивал в шкафе нужную ему книгу, доставал ее и заставлял меня кое-что прочесть вслух. В одной рукописной его книге (не помню, как она называлась) читал я, признаюсь, с предубеждением и недоверчивостью, предсказание Шишкова о будущей судьбе Европы, о всех ее революциях и безвыходных

неустройств. Увы! Все исполнилось и исполняется с поразительной верностью» (Аксаков, 1966).

Выдающийся русский православный просветитель, страж «благословенного русского царства» (Шишков, 1870, 2, 269), верный слуга Отечества и государя, к которому он относился как к «отцу и главе народной», «поставленному от Бога» (Шишков, 1825а 179), адмирал Александр Семенович Шишков был похоронен в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

В конце жизни он писал: «Имя усердного царю и Отечеству слуги <...> я ни за какие золотые горы не променяю, ни для каких угрожающих мне бедствий [его] не отступлюсь» (Шишков, 186?, 4).

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что А. С. Шишков являлся непосредственным предшественником двух наиболее значительных православно-русских направлений отечественной мысли Николаевской эпохи — концепции «русской триады» (приоритет русского языка, русской народности и отечественного права, принципы сословности и «русского воспитания»; С. С. Уваров, С. П. Шевырев) и классического славянофильства (А. С. Хомяков³, К. С. Аксаков).

Пожалуй, первым эту важную связь выразил Д. Н. Свербеев: «Шишков не сопоставлял для себя трех главных идей всей своей жизни <...>, невзирая на то, он, так сказать, бессознательно первый воплотил в себе тричастный русский символ „православия, самодержавия и народности“, который потом сделался в одно и то же время программой царствования императора Николая, девизом графа Уварова и, наконец, надписью на знамени позднейших славянофилов» (Свербеев, 1871, 178).

Выступая предшественником С. С. Уварова и славянофилов, Александр Семенович смог подготовить почву для ярчайшего расцвета Золотого века русской культуры. И совсем не случайно, что главный русский поэт Золотого века посвятил ему эти строки, которые, хочется верить, украсят памятную доску на его доме в Санкт-Петербурге:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их незамеченных созвал, соединил... (Пушкин, 1974, 260).

Источники и литература

Источники

1. Аксаков (1966) — Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 5 т. / Под общ. ред., с вступ. статьей и примеч. С. Машинского. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 258–303.
2. Дашкова (1876) — Дашкова Е. Р. Воспоминания княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Изд. 3-е. Лейпциг: Тип. Э. Л. Каспрович, 1876. 328 с.
3. Вяземский (1963) — Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подгот. и послесл. В. С. Нечаева. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 507 с.
4. Греч (1990) — Греч Н. И. Записки о моей жизни / Сост., послесл., коммент. Е. Г. Капустиной. М.: Книга, 1990. 392 с.
5. Кампе (1817) — Кампе И. Г. Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе; с онаго переведена Г. *** [А. С. Шишковым]. Шестым тиснением: [в 2 ч.]. СПб.: иждивением Имп. Академии наук, 1817. Ч. 1. 100 с.; Ч. 2. 118 с.
6. Местр (1994) — Местр Ж. де. Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11. С. 172–189.

³ «Впрочем, мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. <...> Он много принес пользы и много кинул добрых семян» (Хомяков, 1988, 256).

7. Пушкин (1974) — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / Примеч. Д. Д. Благого и Т. Г. Цявловской. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1: Стихотворения. 1813–1824 гг. 742 с.
8. Ростопчин (1992) — *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! / Сост., вступ. ст., примеч. Г. Д. Овчинникова. М.: Русская книга, 1992. 334 с.
9. Свербеев (1871) — *Свербеев Д. Н.* Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым. (Из записок Д. Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. С. 162–182.
10. Стурдза (1994) — *Стурдза А. С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // Арзамас: Сб.: в 2 кн. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1994. С. 42–59.
11. Стурдза (1846) — *Стурдза А. С.* Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине // Москвитянин. 1846. № 9–10. С. 145–164.
12. Хомяков (1988) — *Хомяков А. С.* О старом и новом: Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. 461 с.
13. Шишков (186?) — *Шишков А. С.* Записка адмирала А. С. Шишкова. [СПб.: Б. и., 186-?] 150 с.
14. Шишков (1834) — *Шишков А. С.* Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб.: Тип. Императорской Российской акад., 1834. 117 с.
15. Шишков (1870) — *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: в 2 т. Берлин: Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 464 с.
16. Шишков (2010) — *Шишков А. С.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов; ин-т общественной мысли. М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. 718 с.
17. Шишков (2011) — *Шишков А. С.* Огонь любви к Отечеству / Сост., комм., послесл. В. В. Семенцова, предисл. А. Ю. Минакова, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 672 с.
18. Шишков (1800) — *Шишков А. С.* Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной Адмиралтейской Коллегии Комитетом. Ч. 1. СПб.: Имп. тип., 1800. 325 с.
19. Шишков (1818) — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. Ч. I. СПб.: Тип. Императорской Российской акад., 1818. 403 с.
20. Шишков (1824) — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. Ч. II. СПб.: Тип. Императорской Российской Акад., 1824. 466 с.
21. Шишков (1825a) — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. Ч. IV. СПб.: Тип. Императорской Российской Акад., 1825. 394 с.
22. Шишков (1825b) — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. Ч. V. СПб.: Тип. Императорской Российской Акад., 1825. 418 с.
23. Шишков (1831) — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена: в 17 ч. Ч. XIV. СПб.: Тип. Императорской Российской Акад., 1831. 331 с.

Литература

24. Альтшуллер (2005) — *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 19–92.
25. Булич (1912) — *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. / С предисл. Н. К. Кульмана. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 712 с.

26. Гаврилов, Калитин (2018) — *Гаврилов И. Б., Калитин В. А. А. Ф. Гильфердинг и С. П. Шевырев: малоизвестные страницы из истории Московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108–129.*
27. Гаврилов (2018а) — *Гаврилов И. Б. Вопросы национального воспитания в религиозно-философском наследии С. П. Шевырева // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: Мат-лы конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви. СПб., 2018. С. 283–285.*
28. Гаврилов (2017а) — *Гаврилов И. Б. Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840 гг.) // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 238–262.*
29. Гаврилов (2018b) — *Гаврилов И. Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214.*
30. Гаврилов (2017b) — *Гаврилов И. Б. К характеристике философии воспитания С. П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326.*
31. Гаврилов (2019) — *Гаврилов И. Б. Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 204–221.*
32. Гаврилов (2016) — *Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.*
33. Гаврилов (2018с) — *Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырев о «русском воспитании» // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 146–150.*
34. Кондаков (1998) — *Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 223 с.*
35. Лозинская (1978) — *Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.*
36. Лотман (2002) — *Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.*
37. Лушников и др. (2019) — *Лушников Д. Ю., свящ., Гаврилов И. Б., Иванов П. К. И. В. Киреевский о характере христианского просвещения. Философско-педагогический контекст // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 167–179.*
38. Минаков (2003) — *Минаков А. Ю. К постановке вопроса о типологии раннего консерватизма // Клио. 2003. № 3 (22). С. 26–31.*
39. Минаков (2018) — *Минаков А. Ю. Предтечи С. С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 гг. // Тетради по консерватизму. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. С. 145–164.*
40. Минаков (2011) — *Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 560 с.*
41. Минаков (2014) — *Минаков А. Ю. У истоков русского консерватизма: «Русская партия» первой четверти XIX в. // TRACTUS AEVORUM: эволюция социокультурных и политических пространств. Белгород, 2014. Вып. 1. № 1. С. 67–77.*
42. Парсамов (2010) — *Парсамов В. С. Александр Семенович Шишков // Шишков А. С. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов; ин-т общественной мысли. М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 5–68.*
43. Петров (2003) — *Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. 479 с.*
44. Проскурин (1996) — *Проскурин О. Новый Арзамас — Новый Иерусалим (религия общества «Арзамас») // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 73–129.*
45. Пыпин (2001) — *Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Гуманитар. агентство «Акад. Проект», 2001. 556 с.*
46. Рождественский (1902) — *Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. 785 с.*
47. Стоюнин (1880) — *Стоюнин В. Я. Исторические сочинения: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1880. 371 с.*

48. Сухомлинов (1874) — Сухомлинов М. И. История Российской академии: Вып. 1–8. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1874. 430 с.
49. Флоровский (1991) — Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к Истине», 1991. 600 с.
50. Шильдер (1905) — Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. 2-е изд. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1905. Т. 3. 569 с.

Igor Gavrilov. To the Characteristics of the Philosophy of Education by A. S. Shishkov.

Abstract: The article is devoted to religious and philosophical views and activities in the field of national education of an outstanding statesman, Minister of Public Education (1824–1828), and a distinctive thinker Alexander Semyonovich Shishkov (1754–1841). The issues of national education and moral education are mainly addressed, to which he paid special attention during all periods of his state activity, as well as in his programmatic essays “Discourse on the old and new syllable of the Russian language” (1803) and “Discourse on love for the Fatherland” (1811). During the consideration of the main stages of the intellectual biography of the thinker, the activity of Shishkov as Minister of Education is the most revealed. The main task of public education and upbringing he saw in putting in the soul of the child “fire of national pride”, “fire of love for the Fatherland”. Shishkov’s conservative ideological position at the head of the Ministry isn’t interpreted as an embodiment of ignorance and vested interests, but as an attempt to form a new type of education — based on traditional Russian principles of Orthodoxy, autocracy and class and opposing Western European revolutionary and atheistic doctrines. As an important expression of the educational concept of the thinker, it is considering his the introduction of the Censorship Charter of 1826, which formulated the key issues of education and upbringing of youth, internal security and management of public opinion.

Keywords: philosophy of education, upbringing, pedagogy, enlightenment, conservatism, education, nationality, Russian religious philosophy, A. S. Shishkov, «Russian education», Ministry of Public Education, era of Alexander I, «Discourse about the old and new syllable of the Russian language», «Discourse on love for the Fatherland», «A conversation of lovers of the Russian word», Russian Orthodox opposition, patriotism, gallomania, Russian Academy, «Biblical Society», criticism of mysticism, «Pig-iron charter», censorship.

Igor Borisovich Gavrilov — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy.

Sources and References

Sources

1. Aksakov (1966) — Aksakov S. T. *Vospominaniye ob Aleksandre Semenoviche Shishkove* [*Memory about Alexander Semenovich Shishkov*]. Aksakov S. T. *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [*Collection of works: in 5 vols.*]. Ed., entry article and notes by S. Malinsky. Moscow: Pravda, 1966, vol. 2, pp. 258–303. (In Russian).
2. Dashkova (1876) — Dashkova E. R. *Vospominaniya knyagini E. R. Dashkovoy, pisannye eyu samoy* [*Memories of Princess E. R. Dashkova, written by herself*]. 3rd ed. Leipzig: tipogr. of E. L. Kasprovich, 1876, 328 p. (In Russian).
3. Grech (1990) — Grech N. I. *Zapiski o moey zhizni* [*Notes about my life*]. Comp., afterword, comm. by E. G. Kapustina. Moscow: Kniga, 1990, 392 p. (In Russian).
4. Homyakov (1988) — Homyakov A. S. *O starom i novom: Stat’i i ocherki* [*About the old and the new: Articles and essays*]. Comp., entry article and comm. by B. F. Egorova. Moscow: Sovremennik, 1988, 461 p. (In Russian).

5. Kampe (1817) — Kampe I. G. *Detskaya biblioteka: v 2 t.* [*Children's library: in 2 vols.*]. Publ. on Deutsche by I. G. Kampe; transl. by A. S. Shishkov. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1817, vol. 1, 100 p.; vol. 2, 118 p. (Russian translation).
6. Mestr (1994) — Maistre J. de. Peterburgskiy pis'ma [St. Petersburg letters]. *Zvezda*, 1994, no. 11, pp. 172–199. (In Russian).
7. Pushkin (1974) — Pushkin A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* [*Full collection of works: in 10 vols.*]. Vol. 1: Stikhotvoreniya. 1813–1824. Notes by D. D. Blagoy and T. G. Tsyavlovskaya. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974. (In Russian).
8. Rostopchin (1992) — Rostopchin F. V. *Oh, frantsuzy!* [*Oh French people!*]. Comp., entry article, note by G. D. Ovchinnikov. Moscow: Russkaya kniga, 1992, 334 p. (In Russian).
9. Shishkov (1800) — Shishkov A. S. *Morskiye zapiski, ili Sobraniye vsyakogo roda kasayushchikhsya voobshche do moreplavaniya sochineniy i perevodov, izdavaemykh uchrezhdennym pri Gosudarstvennoy Admiralteyskoy Kollegii Komitetom* [*The Maritime Notes, or a Collection of all kinds of essays and translations generally related to navigation, issued by the Committee established at the State Admiralty Board*]. Saint Petersburg: Imperatorskaya tipografiya, 1800, vol. 1, 325 p. (In Russian).
10. Shishkov (1818) — Shishkov A. S. *Sobraniye sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy Imperatorskoy Akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena: v 17 t.* [*Collected Works and Translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies: in 17 vols.*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1818, vol. 1, 403 p. (In Russian).
11. Shishkov (1824) — Shishkov A. S. *Sobraniye sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy Imperatorskoy Akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena: v 17 t.* [*Collected Works and Translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies: in 17 vols.*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1824, vol. 2, 466 p. (In Russian).
12. Shishkov (1825a) — Shishkov A. S. *Sobraniye sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy Imperatorskoy Akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena: v 17 t.* [*Collected Works and Translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies: in 17 vols.*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1825, vol. 4, 394 p. (In Russian).
13. Shishkov (1825b) — Shishkov A. S. *Sobraniye sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy Imperatorskoy Akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena: v 17 t.* [*Collected Works and Translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies: in 17 vols.*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1825, vol. 5, 418 p. (In Russian).
14. Shishkov (1831) — Shishkov A. S. *Sobraniye sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy Imperatorskoy Akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena: v 17 t.* [*Collected Works and Translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies: in 17 vols.*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii, 1831, vol. 14, 331 p. (In Russian).
15. Shishkov (1834) — Shishkov A. S. *Zapiski admirala A. S. Shishkova, vedennye im vo vremya puteplavaniya ego iz Kronshadta v Konstantinopol'* [*Notes of Admiral A. S. Shishkov, written by him during his overpass from Kronstadt to Constantinople*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy akademii, 1834, 117 p. (In Russian).
16. Shishkov (186?) — Shishkov A. S. *Zapiski admirala A. S. Shishkova* [*Note of Admiral A. S. Shishkov*]. [Saint Petersburg, 186?], 150 p. (In Russian).
17. Shishkov (1870) — Shishkov A. C. *Zapiski, mneniya i perepiska admirala A. S. Shishkova: v 2 t.* [*Notes, opinions and correspondence of Admiral A. S. Shishkov: in 2 vols.*]. Berlin: N. Kisilev and Yu. Samarin's Publ., 1870, vol. 1, 479 p.; vol. 2, 464 p. (In Russian).
18. Shishkov (2010) — Shishkov A. S. *Izbrannye Trudy* [*Selected works*]. Comp., entry article and comm. by V. S. Parsamov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010, 718 p. (In Russian).
19. Shishkov (2011) — Shishkov A. S. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [*Fire of love for the Fatherland*]. Comp., comm., afterword by V. V. Sementsova, entry word by A. Yu. Minakov. Main ed. O. A. Platonov. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011, 672 p. (In Russian).

20. Sturdza (1846) — Sturdza A. S. Vospominaniya o Nikolaye Mikhayloviche Karamzine [Memories of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. *Moskvityanin*, 1846, no. 9–10, pp. 145–164. (In Russian).
21. Sturdza (1994) — Sturdza A. S. Beseda lyubiteley russkogo slova i Arzamas v tsarstvovanii Aleksandra I i moi vospominaniya [Conversation of lovers of Russian words and Arzamas in the reign of Alexander I and my memories]. *Arzamas*. Collection in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1994, vol. 1, pp. 42–59. (In Russian).
22. Sverbeyev (1871) — Sverbeyev D. N. Pervaya i poslednyaya moya vstrecha s A. S. Shishkovym [My first and last meeting with A. S. Shishkov. (From D. N. Sverbeev's notes)]. *Russkiy arkhiv*, 1871, no. 1, pp. 162–182. (In Russian).
23. Vyazemskiy (1963) — Vyazemskiy P. A. *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks (1813–1848)]. Ed. prep. and afterword by V. S. Nechayev. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, 507 p. (In Russian).

References

24. Al'tshuller (2005) — Al'tshuller M. G. *Aleksandr Semenovich Shishkov. Protiv techeniya: istoricheskiye portrety russkikh konservatorov pervoy treti XIX stoletiya* [Against the Current: Historical Portraits of Russian Conservatives of the First Third of the XIX Century]. Ed. by A. Yu. Minakov. Voronezh: VGU Publ., 2005, pp. 19–92. (In Russian).
25. Bulich (1912) — Bulich N. N. *Ocherki po istorii russkoy literatury i prosveshcheniya s nachala XIX v.* [Essays on the history of Russian literature and education since the beginning of the 19th century]. Introd. by N. K. Kulman. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevich, 1912, 712 p. (In Russian).
26. Florovskiy (1991) — Florovskiy G., archpriest. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Kiev: Put' k Istine, 1991, 600 p. (In Russian).
27. Gavrilo (2016) — Gavrilo I. B. Stepan Petrovich Shevyrev o «russkom vozzrenii» [Stepan Petrovich Shevyrev about «Russian view»]. *Khristianskoye Chteniye*, 2016, no. 1, pp. 229–289. (In Russian).
28. Gavrilo (2017a) — Gavrilo I. B. Konstantin Aksakov o “russkom vozzrenii” [Konstantin Aksakov about “Russian view”]. *Khristianskoye Chteniye*, 2017, no. 1, pp. 238–262. (In Russian).
29. Gavrilo (2017b) — Gavrilo I. B. K kharakteristike filosofii vospitaniya S. P. Shevyreva [To the characteristics of S. P. Shevyrev's philosophy of education]. *Khristianskoye Chteniye*, 2018, no. 4, pp. 307–326. (In Russian).
30. Gavrilo (2018a) — Gavrilo I. B. Voprosy natsional'nogo vospitaniya v religiozno-filosofskom nasledii S. P. Shevyreva [Questions of national education in the religious and philosophical heritage of S. P. Shevyryov]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo bogosloviya i tserkovnoy nauki: Materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu nachala muchenicheskogo i ispovednicheskogo podviga Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Actual questions of modern theology and church science: Materials of the conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the martyrdom and confession of the Russian Orthodox Church]. Saint Petersburg, 2018, pp. 283–285. (In Russian).
31. Gavrilo (2018b) — Gavrilo I. B. K kharakteristike religiozno-filosofskogo mirovozzreniya M. N. Katkova [To the Characteristics of the M. N. Katkov's Religious-Philosophical Worldview]. *Khristianskoye Chteniye*, 2018, no. 3, pp. 192–214. (In Russian).
32. Gavrilo (2018c) — Gavrilo I. B. Stepan Petrovich Shevyrev o «russkom vospitanii» [Stepan Petrovich Shevyrev about «Russian education»]. *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 2018, no. 1, pp. 146–150. (In Russian).
33. Gavrilo (2019) — Gavrilo I. B. Mikhail Nikiforovich Katkov kak okhranitel' traditsionnykh russkikh nachal [Mikhail Nikiforovich Katkov as guardian of traditional Russian principles]. *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 2019, no. 1 (2), pp. 204–221. (In Russian).
34. Gavrilo, Kalitin (2018) — Gavrilo I. B., Kalitin V. A. A. F. Gil'ferdingi S. P. Shevyrev: maloizvestnye stranitsy iz istorii Moskovskogo universiteta (po arkhivnym materialam) [Obscure pages from the history of Moscow University (on archival materials)]. *Khristianskoye Chteniye*, 2018, no. 6, pp. 108–129. (In Russian).

35. Kondakov (1998) — Kondakov Yu. E. *Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnyaya oppozitsiya (1801–1825)* [*The Spiritual and Religious Policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)*]. Saint Petersburg: Nestor, 1998, 223 p. (In Russian).
36. Lotman (2002) — Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [*History and typology of Russian culture*]. Saint Petersburg: Isskustvo — Saint Petersburg, 2002, 768 p. (In Russian).
37. Lozinskaya (1978) — Lozinskaya L. Ya. *Vo glave dvukh akademiy* [*At the head of two academies*]. Moscow: Nauka, 1978, 144 p. (In Russian).
38. Lushnikov et al. (2019) — Lushnikov D. Yu., priest., Gavrilov I. B., Ivanov P. K. I. V. Kirevskiy o kharaktere khristianskogo prosveshcheniya. Filosofsko-pedagogicheskiy kontekst [I. V. Kireevsky about the nature of Christian education. Philosophical and pedagogical context]. *Khristianskoye Chteniye*, 2019, no. 1, pp. 167–179. (In Russian).
39. Minakov (2003) — Minakov A. Yu. K postanovke voprosa o tipologii rannego konservatizma [To the question of the typology of early conservatism]. *Klio*, 2003, no. 3 (22), pp. 26–31 (In Russian).
40. Minakov (2011) — Minakov A. Yu. *Russkiy konservatizm v pervoy chetverti XIX veka* [*Russian conservatism in the first quarter of the XIX century*]. Voronezh: VGU Publ., 2011, 560 p. (In Russian).
41. Minakov (2014) — Minakov A. Yu. U istokov russkogo konservatizma: «Russkaya partiya» pervoy chetverti XIX v. [At the origins of Russian conservatism: “Russian party” of the first quarter of the XIX century]. *TRACTUS AEVORUM: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv*. Belgorod, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 67–77. (In Russian).
42. Minakov (2018) — Minakov A. Yu. Predtechi S. S. Uvarova v poiskakh ideologicheskogo obosnovaniya pravitel'stvennoy politiki v oblasti narodnogo prosveshcheniya v 1817–1825 gg. [Forerunners of S. S. Uvarova in Search of the Ideological Justification of Governmental Policy in the Field of Public Education in 1817–1825]. *Tetrady po konservatizmu*, no. 1. Moscow: Nekommercheskiy fond — Institut social'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy, 2018, pp. 145–165 (In Russian).
43. Parsamov (2010) — Parsamov V. S. *Aleksandr Semenovich Shishkov*. Shishkov A. S. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*]. Comp., entry article and comm. by V. S. Parsamov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010, pp. 5–68. (In Russian).
44. Petrov (2003) — Petrov F. A. *Formirovaniye sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii: v 4 t.* [*Formation of the system of university education in Russia: in 4 vols.*]. Vol. 3: Universitetskaya professura i podgotovka Ustava 1835 goda [*University professors and the preparation of the Statute of 1835*]. Moscow: Moscow University Publ., 2003, 479 p. (In Russian).
45. Proskurina (1996) — Proskurina O. *Novyye Arzamas — Novyy Iyerusalim* (religiya obshchestva «Arzamas») [New Arzamas — New Jerusalem (religion of the society «Arzamas»)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1996, no. 19, pp. 73–129 (In Russian).
46. Pypin (2001) — Pypin A. N. *Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii pri Aleksandre I* [*The Social Movement in Russia under Alexander I*]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001, 556 p. (In Russian).
47. Rozhdestvenskiy (1902) — Rozhdestvenskiy S. V. *Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902* [*A historical review of the activities of the Ministry of National Education. 1802–1902*]. Comp. by S. V. Rozhdestvenskiy. Saint Petersburg: Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya, 1902, 785 p. (In Russian).
48. Shil'der (1905) — Shil'der N. K. *Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovaniye: v 4 t.* [*Imperator Alexander I. His Life and Reign: in 4 vols.*]. 2nd ed. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 1905, vol. 3, 569 p. (In Russian).
49. Stoyunin (1880) — Stoyunin V. Ya. *Istoricheskiye sochineniya: v 2 t.* [*Historical writings: in 2 vols.*]. In 2 vol. Saint Petersburg, 1880, vol. 1, 371 p. (In Russian).
50. Sukhomlinov (1874) — Sukhomlinov M. I. *Istoriya Rossiyskoy akademii* [*History of the Russian Academy*]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1874, no. 1, 430 p. (In Russian).